

16+

Анатолий Субботин

Убью, студент!

Анатолий Субботин

Убью, студент!

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Субботин А.

Убью, студент! / А. Субботин — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Вторая половина 1970-х гг. Жизнь и приключения главного героя - студента-филолога. Основная линия, конечно, - любовная; но затрагиваются также темы литературного творчества и тогдашней общественно-политической жизни. Реалистичная в целом повесть кончается фантастической главой, где герою снится чёрт.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

*Жене своей, Субботиной Элле Эрнстовне,
посвящает автор*

1. Мама, я студент!

Леонид Соломин вернулся домой грустный и пьяный. Он только что проводил своего друга и одноклассника Женьку Плясунова, который поступил в институт и уехал в Йошкар-Олу учиться. Леонид тоже поступал – сдал вступительные экзамены в Пермский госуниверситет, но шли уже последние дни августа, а вызова не было. Видимо, не добрал баллов, тоскливо думал он. Вторая попытка, и снова мимо! В первый раз, год назад, он завалил французский язык. “Parlez-vous français”? “Non, je ne parle pas français”¹. Леонид завидовал русским дворянам, которые с детства говорили на двух языках. Ему же из 5-ти отпущенных школьной программой лет франسه преподавали только 3 с половиной года: в глубинке не хватало учителей. Да и сам он хватился, схватился за ин. яз. лишь в 10-ом классе, когда надумал поступать.

Сняв туфли, он прошел, пошатываясь, в комнату.

– Где ты ходишь?! – воскликнула мать. – Тебе письмо из университета пришло.

Леонид не без трепета в руках вытащил листок из конверта и прочел: Вы зачислены на первый курс филологического факультета... Не веря своим глазам, прочел еще раз. Голова и без того шальная пошла кругом. Бросился к матери, обнимая и целуя ее.

– Мама, я поступил, поступил! Я студент!.. Надо сегодня же брать расчет, сейчас же... Бегу на завод.

– Да куда ты такой пьяный! – крикнула ему вслед мать, но он уже был за дверью.

Не ясно, как его такого пропустили в проходной. Впрочем, веселые рабочие лица были вахтерам не в новинку. Случалось, пролетарии выходили из завода, как из кабака, разве что песен не пели. Во время обеденного перерыва пожилые мастеровые гоняли молодежь в магазин за водкой. Леонид и сам несколько раз был таким гонцом. Благо, завод не относился к секретным, и на вахте карманов не проверяли. Некоторые «утрудившиеся» работники оставались ночевать в цехе, спали в раздевалке. И когда жены потом спрашивали их: что случилось? – они смело отвечали: «Аврал! Пришлось остаться на третью смену».

Лёня вбежал в свой 16-ый цех и только тут заметил, что он в домашних тапочках, точнее, в одном тапочке, поскольку другой потерял по дороге. Мимо токарных станков, глядя на чугунный пол, чтобы не наступить в железную стружку, он прошел в кабинет начальника цеха. Там, кроме самого начальника, находился мастер Лёни – Агапов. Размахивая письмом, слесарь-монтажник 2-го разряда Леонид Соломин радостно сообщил джентльменам, что ему пришел вызов из ВУЗа, и он увольняется. Особенно его радость относилась к Агапову. Этот мастер и на лицо и внутри был мужлан мужланом. Он пьянствовал со слесарями в раздевалке и не всегда проявлял уважение к рабочей молодежи. Леонид вспомнил, как Агапов смеялся над ним, «давшем дуба» в тридцатиградусный мороз. Они тогда что-то ремонтировали на улице. Собственно, ремонтировал учитель Лёни – слесарь 6-го разряда Веткин, а ученик был на подхвате, ну, и так замерз, что ключ едва держал и не понимал, как в таких условиях можно что-то делать.

Теперь в улыбке мужлана чувствовалось смущение и удивление – то ли оттого, что «вот ведь, парень в ВУЗ поступил», то ли потому, что Агапов впервые увидел скромного юношу в столь необычном, раскованном виде. Раскрасневшееся лицо, сильно выбившаяся из брюк сорочка и тапочек на одной ноге.

Выйдя из проходной, Лёня оглянулся. Прощай, завод! Хорошо, что я за год не успел привыкнуть к тебе. Иначе нам трудно было бы расставаться. Тут Соломин лукавил: никогда он уже не стал бы настоящим рабочим, так как подцепил вирус интеллигентности. Искусство

¹ «Вы говорите по-французски»? «Нет, я не говорю по-французски». (франц.)

(особенно художественная литература) уже изрядно отравило его, и он сделался мягким и мечтательным.

2. Влияния

Все началось с детских сказок. Учась в третьем-четвертом классе, Лёня стал ходить в библиотеку, брать сказки. Русские народные, калмыцкие, азербайджанские и другие. Везде творилось невероятное: разговаривали звери и птицы, водились принцессы и цари, бедные вдруг богатели, на пути героев вставали живые страшные препятствия в виде змеев, леших, дивов, гулей и прочее. Несмотря на опасности, в сказках было интереснее, чем в жизни, и Лёня зачитывался до поздней ночи, так что мать ворчала, что он жжет электричество и портит глаза. Иногда, прячась от матери, он читал с фонариком под одеялом.

Параллельно шла романтическая обработка мальчика песнями. Навсегда врезалась в память песня о 14-ти французских моряках. Как в Кейптаунском порту «они пошли туда, где можно без труда достать дешевых женщин и вина». Как в таверне они повздорили с англичанами. Сердце замирало при словах: «и кортики достав, забыв морской устав, они дрались, как тысяча чертей». И грустно щемило сердце, узнав, что французским морякам больше не взойти на палубу, и корабль ушел в море без них.

Когда Лёне было 15 лет, его захватила чистая, так сказать, поэзия – без музыкального сопровождения. Всему виной фломастеры. Они тогда только появились в магазинах города. Мама купила коробку этой канцелярской новинки. Фломастерами было хорошо рисовать: линии выходили четкими, жирными. Но рисовать отрок не умел. Что делать? Надо написать красивый текст, где есть ритм и рифма, надо написать стихи, которые можно спеть. В голове Лёни вертелась забавная песня Высоцкого про опального стрелка. Особенно смешно было то, что стрелок предпочел принцессе бадью портвейна. И Лёня стал подражать Высоцкому.

Где-то услышал он, что у Есенина есть стихи с матерными словами. Взял в библиотеке томик поэта. Мата там не нашел (лишь некоторые слова заменялись точками), зато обнаружил странного лирического героя, который то нежно грустит, то скандалит.

Ты поила коня из горстей в поводу.
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Как это верно и в то же время необычно: ломались в пруду. И там же:

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
с алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Как это красиво: мерцание пенистых струй!.. На страницах Есенина Лёня впервые почувствовал вкус поэтического образа. И вошел во вкус. Стал читать стихи помимо школьной программы, стихи классиков и современников.

Когда в квартире Соломиных появился друг семьи – телевизор, Лёня начал отдавать ему дань уважения. Смотрел все подряд: новости, мультипликационные и художественные фильмы, музыкальные передачи. Новости вносили в душу умиротворение: трудящиеся перевыполняли план и жили все лучше; высокопоставленный тезка – Леонид Ильич Брежнев был сама доброта и готов был расцеловать каждого. Нравились мальчику и эстрадные песни. Вот между столбов-фонарей, расставленных на сцене, тихо идет смуглый Жан Татлян. Поет, что фонари – это его ночные друзья. Вот в окружении молодых мужчин – красивая Эдита Пьеха с загадочным акцентом. Вот веселый, одетый матросом, Эдуард Хиль. А вот король эстрады Муслим Магомаев, кружащийся с королевой красоты на Чертовом колесе.

Однажды Лёня включил телевизор. Передавали небольшие по объёму классические произведения. Композитор Андрей Петров предварял их словом. Он сказал, что Мелодия Глюка – это очень возвышенное произведение. И зазвучала музыка, от которой у Лёни поползли мурашки по спине и навернулись на глаза слезы. Флейта плакала о какой-то недостижимой мечте, о какой-то невосполнимой утрате. Позднее Леонид узнал, что это мелодия из оперы «Орфей и Евридика», а Христофор Глюк – немецкий композитор XVIII века.

Май. Выходной. На работу не надо, но надо готовиться к экзаменам. Последний шанс. Если сэр не поступит, осенью его позовет армейская труба. Соломин сидит в кресле, обложившись книгами и тетрадями. Звонок в дверь. На пороге – бывший одноклассник Толя Поляков.

– Пошли в 6 часов в кино. Пригласил девушку, а она с подругой. Составь комплект.

– А что за подруга? Ты видел ее?

– Видел. С пивом потянет.

Без 10-ти шесть встретились у касс кинотеатра «Победа». Купили билеты. Подошли девицы. Да, подумал Лёня, взглянув на «свою», до мечты поэта она явно не дотягивает!

Фильм назывался «Москва – любовь моя». Красивая японская балерина приезжает на гастроли в столицу СССР. Ошеломительный успех у советской публики. Балерина влюбляется в Москву и заодно в простого русского парня – хорошо сложенного блондина с ямочкой на подбородке. Вот они отдыхают на море; он выносит ее из воды, кладет на золотой песок, целует... Боже! – завистливо думал Лёня. – Столица, море, а главное эта экзотическая девушка, идеал японской молодежи! И чем я хуже блондина? Конечно, я сублинен по сравнению с ним, и нос у меня курнос, но зато я поэт, я умею ценить красоту, я умею любить.

Волнуясь, Лёня вышел из кинотеатра. Пары разделились. Провожал новую знакомую домой взволнованный поэт. Она сказала, что приехала из деревни, снимает угол и учится в училище. Лёня смотрел на нее, на завод, к которому они спускались по улице Ленина, и чувствовал себя, как птица в клетке. Неужели ему придется всю жизнь проторчать в этом городке, работая на этом заводе, жениться на такой вот или подобной особе! Она, конечно, не виновата, и городок не виноват, но неужели он никогда не увидит мира, не встретит красивую девушку, не испытает славы!? Спутница не нравилась Лёне и в то же время влекла его, ведь в ней было то главное, что так нужно парню в 17 лет («Почему в 17 лет парню больше не до сна?») – она была инополовым существом. Не имея опыта, не зная, как ухаживать за девушками, Лёня решил сразу взять быка за рога (не выгорит, и пусть!) и совершил бестактность, которую впоследствии не мог простить себе.

По узкому в две-три доски тротуару молодые люди подошли к дому, где жила девица. Двухэтажный дом из деревянных брусьев. Два подъезда, восемь квартир. Неожиданно, почти грубо Лёня полез целоваться. Девица опешила и, конечно, отстранила его, сказав: «Не надо»! Возможно, она еще добавила: «Не сейчас», то есть всему свое время, но, возможно, ничего не добавляла и лишь ускользнула от него за дверь своей квартиры. Соломин вышел из подъезда и досадно плюнул.

«Союз нерушимый республик свободных» – грянуло у самого уха. Леонид проснулся на второй полке плацкартного вагона поезда «Соликамск – Пермь». Разве можно любить гимн, который будит ни свет, ни заря? 6 часов. На конечную остановку – вокзал Пермь II – поезд прибывает в восемь. По меньшей мере час можно еще дремать. Лёня попытался выключить радио, но оно не выключалось, только звук поубавился. Вслед за гимном последовало обычное сообщение о том, что со станции Пальники начинается санитарная зона, и туалеты будут закрыты. Некоторые пассажиры зашевелились, стали вставать.

Лёня смотрел в окно. Поезд шел по высокой насыпи вдоль Камы. Внизу, на берегу – портовые краны, бревна, контейнеры. Вот забор, за которым – цеха завода имени Дзержинского. Площадь, где установлен памятник великому чекисту. И сразу за трамвайной линией, на

другой стороне площади – корпуса университета, до сих пор казавшиеся далекими, недоступными, как мечта, но теперь обещавшие стать своими. Вот крытая листами железа, окрашенными красной краской, крыша исторического корпуса, бывшего дома пароходчика Мешкова. У входа в корпус на каменной скамье сидят и беседуют о светлом будущем каменные Ленин и Горький.

3. Первый залёт

В этот (1975) год общежитие №8 решили сделать экспериментальным: поселили туда одних первокурсников с разных факультетов. Мол, студенты старших курсов оказывают на новичков тлетворное влияние. Какое же это влияние? – думал Соломин. И немного пугался его, но, пожалуй, в большей степени хотелось его испытать.

Филолог попал в одну комнату с тремя гидрологами (специальность на географическом факультете). Познакомились, стали жить – и довольно дружно. Гидрологи учились в первую смену, а Лёня – во вторую, так что виделись только вечером. Леня был совой и утром никак не мог проснуться. В этом плане со второй сменой ему повезло.

Студент-гидролог Шура Николев уже отслужил в армии и успел поработать в геологической партии. Ему было 25 лет, и он был женат. Иногда жена приходила к нему (она, кажется, тоже где-то училась) и даже оставалась на ночь. Однако, воспитанные люди, никакой страсти при посторонних юношах они себе не позволяли. Впрочем, ночью Лёня спал.

Шура был большим не только по возрасту, но и по фигуре: высокого роста, склонный к полноте, с белым лицом и темными вьющимися волосами. В нем чувствовалось что-то барское. Он говорил, что его фамилия происходит от французского Николя. С младшими однокашниками он держался запросто, добродушно, любил шутить и веселиться. Соломина он называл Соломенник.

Другие соседи по комнате – коренастый Паша и худенький Саша. За телосложение и молоджавость поступившего сразу после школы худенького прозвали Малый.

Так, что у нас сегодня? Три пары: латынь, история компартии и античная литература. Перед лекциями Лёня зашел в столовую. Постные щи, котлета с макаронами и стакан компота дали студенту толику сил для разностороннего образования. Сидя в аудитории, Лёня не успевал за преподавателем. Хотелось сказать слова Шурика из «Кавказской пленницы»: пожалуйста, чуть помедленнее, я запис-ую. Но нельзя было сказать, и Лёня сокращал слова как мог, создавая шифровку своего письма, которую не только КГБ – он сам иногда не в силах был разобрать.

Вахтеру пропуск показал он. Вертушка стала податливой, закрутилась. По лестнице на свой (4-ый) этаж. Этажи «восьмерки» выглядят просто, как три рубля: прямой длинный коридор и нумерованные комнаты по бокам. Плюс две кухни, небольшой холл и по туалету с умывальной в каждом конце. Лёня шел по коридору. Студенты смотрели в холле телевизор, готовили на кухне ужин, курили возле туалета. Соломин толкнул дверь в свою комнату и попал в интимную обстановку.

Верхний свет выключен, горит лишь настольная лампа. Несмотря на открытое окно в помещении дымно и весело. У гидрологов в гостях их однокурсники – несколько парней и девушек. Расселись на 4-х стульях и кроватях, в том числе на койке Лёни.

– А-а, Соломенник! – воскликнул Шура Николев, выдыхая сигаретный дым. – Пить будешь?

– Буду, – сказал Леонид.

– Что тебе? Есть «сухарь» и портвешок.

– Портвейн.

Шура достал из-под стола бутылку и плеснул в один из граненных стаканов, стоящих на столе вместе с железными кружками.

– Спой, Шура, – попросил Паша.

Судя по тому, что гитара была расчехлена и лежала рядом с сидящим на кровати хозяином, тот уже сегодня пел. Но когда он был в настроении, он мог петь часами. И он без лишних слов положил семиструнную подругу на колени. Лёня заслушался, хотя не первый раз внимал Шуриному исполнению. Мягкий баритон, богатый репертуар. Шура пел песни известных бардов – Висбора, Окуджавы, Высоцкого, – а также неведомых Леониду доселе Кукина, Клячкина и других. Между прочим, прозвучала белогвардейская песня из кинофильма «Таинственный монах»:

Напишу через час после смерти,
а пока не могу, извини.
Похоронный сургуч на конверте
на моей замесили крови.

Нас уже не хватает в шеренгах по восемь.
Только пыль, да копыта, да пули кругом.
И кресты вышивает последняя осень
по истертому золоту наших погон.

Лёня смотрел этот фильм. Смотрел и другие фильмы, где белогвардейцы показывались пьющими и грустящими о том, что они проигрывают гражданскую войну и теряют Родину. Лёня слышал песню о поручике Голицыне. Ему нравились эти хорошо одетые, благородные люди, как они умеют тонко чувствовать и изысканно говорить. Быть может, они потому и проиграли войну, что были воспитаны и не любили драться? Позднее Соломин напишет стихотворение, которое заканчивается так:

Пронеслось торжество окружающей драмы.
Умирать – пустяки. И жизнь разлюбя,
господин генерал, ну, куда ж мы, куда мы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.